

В.Я. Пропп и русская формальная школа

Многие ведущие представители европейского структурализма и постструктурализма, в первую очередь К. Леви-Стросс, в целом были склонны рассматривать отечественного исследователя в области фольклористики и этнографии В.Я. Проппа в первую очередь как формалиста, независимо от того, позитивно или негативно оценивался этот термин. К примеру, автор предисловия к первому изданию «Морфологии сказки» на английском языке С. Пиркова-Якобсон характеризовала данную работу В.Я. Проппа как блестящий образец классического формалистического подхода, а самого исследователя – как выдающегося представителя русских формалистов. В. Эрлих называл структурно-типологический метод, используемый В.Я. Проппом для анализа сказочного нарратива, типичной формалистической стратегией. А Ц. Тодоров вообще считал исследования В.Я. Проппа в области морфологии волшебной сказки одной из крайних тенденций в формализме.

Еще, будучи студентом, В.Я. Пропп действительно общался с ведущими представителями русской формальной школы, возникшей практически одновременно в Москве ("Московский лингвистический кружок", организованный Р.О. Якобсоном, Г.О. Винокуром, О.М. Бриком), и Петербурге (созданное В.Б. Шкловским "Общество по изучению поэтического языка", в состав которого вошли Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов) в 1915-1916 гг. XX века. Он посещал вместе с Г.А. Бялым, И.П.Ереминым, Ю.Г. Оксманом, Ю.Н. Тыняновым пушкинский семинар профессора С.А. Венгерова. Был лично знаком с Б.М. Эйхенбаумом и В.М. Жирмунским. В 20-е гг. В.Я. Пропп

поддерживал с Институтом истории искусств, являвшимся, по выражению Э. Уорнер, в то время «оплотом формализма».

Конечно, исследования представителей русской формальной школы в литературоведении имели определенное значение для формирования методологии В.Я. Проппа. Но, несмотря на то, что он работал в тесном контакте с формалистами, было бы явным преувеличением считать его типичным представителем формализма. Вероятнее всего он был одним из многих молодых литературоведов, заинтересовавшихся новыми методами литературной критики, которые предлагала формальная школа.

Уверенность западных исследователей в том, что В.Я. Пропп был формалистом, можно объяснить рядом неточностей и ошибок в первом английском переводе «Морфологии сказки», а также явным незнанием других работ ученого в области фольклористики и этнографии.

Кроме того, европейским гуманитаристам очевидно не были известны следующие подробности, касающиеся издания с СССР первой монографии В.Я. Проппа: ученый, обращаясь к В.М. Жирмунскому по поводу публикации своей работы, предлагал включить в нее дополнительные главы, содержащие диахронический анализ феномена волшебной фольклорной сказки. Однако В.М. Жирмунский, решивший, что в случае введения в рукопись материалов, посвященных историко-генетическим исследованиям сказочного нарратива, она окажется слишком объемной, предложил эти главы в монографию не включать, потому что они вполне могут составить отдельную книгу.

Впоследствии В.М. Жирмунский писал, что все упреки В.Я. Проппу в формализме «Морфологии сказки» относятся к нему, так как именно он продвигал книгу ученого, но посоветовал убрать всю содержательно - историческую часть о сказке. В своем выступлении на заседании ЛГУ в честь 70-летия В. Я. Проппа в 1965 г. он рьяно (и справедливо) доказывал, что В.Я. Пропп никогда не был формалистом.

Данной точки зрения придерживались и многие другие представители отечественной гуманитарной науки. Например, П.Н. Берков указывал на то, что В.Я. Пропп идейно никогда не принадлежал к лагерю формалистов [1], а Е.М. Мелетинский в своих комментариях ко второму изданию «Морфологии сказки» и в более поздних трудах, так или иначе имеющих отношение к проблемам структурализма, резко отвергал узкое понимание формализма В.Я. Проппа. В работе «Поэтика мифа» он писал: «упреки в формализме, брошенные ему [Проппу] Леви – Строссом, явно несправедливы»... [2] и далее «в своей первой книге «Морфология сказки» (1928 г.) В. Я. Пропп выступил пионером структурной фольклористики, создав модель синтагматики метасюжета волшебной сказки в виде линейной последовательности функций действующих лиц» [3].

Однако подобного рода высказывания начали появляться лишь во второй половине XX века, когда отношение к формализму стало меняться. До того момента исследования В.Я. Проппа, равно как и работы ряда других ученых, с разной степенью обоснованности обвинявшихся в формализме, подвергались жестокой критике. «Говорили, что Пропп изучение архитектуры как искусства подменяет инженерным трактатом о несущих балках конструкции или изучение человека как живого организма – рентгеновскими снимками или рассматриванием скелета» [4].

Сам В.Я. Пропп высказывался по поводу своего отношения к формализму вполне однозначно. Еще в 1928 г. он предостерегал от опасности излишне досконального изучения формы, несмотря на явную необходимость и популярность этого метода, утверждая, что, идя по этому пути, «легко перегнуть палку». А в послесловии к итальянскому переводу «Морфологии сказки» (где содержался его ответ на критические замечания К. Леви – Стросса), а также в беседах со своими учениками и коллегами отмечал, что главные принципы структурализма (системность, типология, диалектическая структурная соотнесенность целого и частей) очень ему близки, и он даже

может считать себя представителем структурализма, и уж никак не формализма.

В «Открытой лекции» В.Я. Проппа содержится чрезвычайно интересный пример, иллюстрирующий принципиальные различия между структурализмом и формализмом: «Можно изучать форму любого предмета, хотя бы апельсина. Формалист изучит его форму. Он установит, что форма эта – шар, но имеет неровности и отступления, которые можно определить математически точно... определит его вес и удельный вес... установит так же его цвет по имеющимся научным таблицам и номенклатурам цветов. С это же точки зрения плоды будут сравниваться... Структуралист сделает все то же самое. Он применит измерение, но не ограничится этим. Он снимет с него кожу и установит, что апельсин состоит из долек, внутри которых находятся семена... определит его вкус и степень зрелости... будет сравнивать плоды не только по величине, но и по сортам.... сравнит его с другими видами подобных же плодов и установит класс, род и вид данного вида цитрусовых.... определит, откуда этот апельсин импортируется... Наконец он изучит и опишет деревья, на которых растут апельсины, определит их ствол, листья, рост и все биологические функции его, установит на каких почвах и в каких климатах это растение растет и в каких нет...» [5].

Далее, подводя итог вышесказанному, В.Я. Пропп указывает, на то, что формалист, таким образом, будет изучать лишь один феномен, одну сторону, изолированно от всех других сторон данного феномена, безотносительно к той системе, к которой он принадлежит. Структуралист же всегда будет рассматривать каждое отдельное явление по отношению ко всей системе, а также ко всем определяющим его историческим и иным связям [6].

Для В.Я. Проппа же использование метода морфологического анализа волшебной фольклорной сказки (а в дальнейшем и русских аграрных праздников) имело несколько иное значение. Выявление структуры сказочного нарратива, по мнению ученого, должно было стать лишь начальным этапом целостного структурно-историко-генетического анализа данного феномена

архаического фольклора - этапом создания дефиниции волшебной народной сказки и не более того.

В.Я. Пропп, конечно, не был формалистом в узком смысле этого слова. Как пишет Э. Уорнер: «Энциклопедический характер его образования проявляется как в глубокой эрудиции, свойственной всем его работам, так и в разнообразии его научных интересов. Тем не менее, он был слишком самобытен, чтобы примкнуть к какой-либо школе или группе» [10].

Однако нельзя не согласиться с тем, что теории формальной школы в какой-то степени повлияли на формирование его исследовательской позиции. У формалистов В.Я. Проппом, к примеру, было заимствовано восприятие сюжета сказки как ряда приемов, связанных между собой особым образом.

Кроме того, точка зрения исследователя на взаимозаменяемость конкретных деталей рассказа и его относительное невнимание к специфическим персонажам волшебной сказки с их различными именами и атрибутами близки утверждениям В. Шкловского о том, что фабула только обеспечивает сырье для построения сюжета и что персонажи, такие, например, как Дон-Кихот Сервантеса, порождаются самой структурой [11].

Таким образом, первая монография В.Я. Проппа в некоторых своих аспектах действительно отражала формалистический подход к анализу текста. Однако В.Я. Проппа, в отличие от формалистов, исследование формы только ради самой формы не было принципиально важным. Его интересовал феномен повторяемости, наблюдаемый в русской волшебной сказке, и соответственно причины данного феномена.

Основная идея его книги «Морфология сказки», вышедшей в 1928 году, не была связана со взглядами формалистов на литературное произведение как на систему приемов. Да и сам термин «морфология» В.Я. Пропп взял не у формалистов, называвших свой метод анализа художественного произведения «морфологическим», и, более того, вообще не из области филологии. Как отмечал сам ученый, он был заимствован у И.-В. Гете, чьи труды в области

ботаники и остеологии в целом явились одним из весьма значимых источников методологии В.Я. Проппа.

Примечания:

1. Уорнер Э.Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. – СПб., 2005. – С. 20
2. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — М., 1995. – С. 94.
3. Там же. – С. 128-129.
4. Мартынова А.Н. Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность – СПб., 2006. – С. 83.
5. Неизвестный В.Я. Пропп. Древо жизни. Дневник старости. Переписка// Сост. А.Н.Мартынова. – СПб., 2002. – С. 364.
6. Там же. – С. 364.
7. Эйхенбаум Б.М. Вокруг вопроса о «формалистах»// Печать и революция. – М., 1924, №5. – С. 3.
8. Эйхенбаум Б.М. Как сделана "Шинель" Гоголя // Поэтика: Сборник по теории поэтического языка. Вып. 3. Петроград, 1919. – С. 161.
9. Эстетика Серебряного века: пролегомены к систематическому изучению// Вопросы философии. – М., 2007, № 8, – С. 47-57.
10. Уорнер Э.Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. – СПб., 2005. – С. 15.
11. Там же. – С. 30-31.